

КНИГА О ТВОРЧЕСТВЕ А. ФРАНСА ДЕВЯНОСТЫХ ГОДОВ*

Великий гуманист и сатирик Анатолий Франс, который был одним из первых друзей Советского государства среди зарубежной интеллигенции и одним из самых блестящих обличителей политических нравов и социальных устоев империалистической Франции, с давних пор завоевал в нашей стране широкое признание. В советских журналах разных лет можно найти немало статей и очерков, посвященных Франсу и опубликованных преимущественно в связи с юбилейными датами. Однако с крупными исследовательскими работами монографического характера дело у нас обстоит гораздо хуже. За последние два десятилетия, после книги В. Дынкин, в СССР не появилось ни одной монографии о творчестве Анатолия Франса, за исключением книги С. Лиходзиевского¹, в которой преимущественное внимание уделено периоду интенсивной общественной и публицистической деятельности писателя, связанной с революционными событиями в России и подъемом социалистического движения во Франции, — то есть первым десятилетием XX века.

Обращение И. Ковалевой именно к периоду девяностых годов (точнее, 1889—1895) творческого развития великого французского писателя вполне обосновано. Прежде всего этот период был для Франса одним из наиболее плодотворных. В течение шести лет им были написаны романы «Харчевня королевы Гусиные Лапки» и «Красная лилия», сборник сатирических афоризмов «Суждения г-на Жерома Куаньяра», сборник рассказов «Колодец святой Клары». В эти же годы Франс завершил работу над обширным циклом своих литературно-критических статей и очерков, который составил четыре тома книги «Литературная жизнь».

В работах о Франсе, как на французском, так и на русском языке, этот период его творчества до сих пор не привлекал к себе должного внимания исследователей и не был оценен и освещен так, как он того заслуживает. До последнего времени в советском литературоведении была распространена мысль о том, что только дело Дрейфуса толкнуло писателя в сторону реалистического и критического изображения современности и что произведения Франса первой половины 90-х годов гораздо ближе к раннему этапу его творчества, чем к «Современной истории» или «Острову пингвинов». Опровергая эту точку зрения, И. Ковалева путем обстоятельного анализа творчества Франса 1889—1890-х годов убедительно показывает процесс постепенной эволюции писателя от идеалистического мышления к материалистическому, от политического консерватизма к оппозиционным, радикальным настроениям, от эстетского ухода в далекое историческое прошлое к реалистическим картинам современной общественной жизни, к критическому обличению Третьей республики.

Процесс этот исследуется в книге глубоко и разносторонне. Первая глава, «Политические и философские взгляды Франса на рубеже 80—90-х годов», посвящена раскрытию эволюции мировоззрения писателя в органической связи с развитием политической и социальной жизни Франции этих лет. Вторая глава, «Эстетические и литературные взгляды Франса на рубеже 80—90-х годов», построенная главным образом на изучении написанных в разные годы статей из «Литературной жизни», показывает читателю, как в органической связи с эволюцией политического и философского ми-

* И. С. Ковалева, Творчество Анатолия Франса в годы перелома (1889—1895). Изд. Ленинградского университета, 1957, 268 стр.

¹ С. Лиходзиевский, Анатолий Франс. Краткий очерк творческого пути. Изд. САГУ, Ташкент, 1954.

ровоззрения Франса эволюционировали его литературные вкусы и взгляды на задачи искусства. Остальные четыре главы книги, составляющие основное ее ядро, посвящены исследованию художественных произведений Франса рассматриваемого периода. Все главы монографии органически связаны между собой и дают в своей совокупности цельную картину развития писателя в сторону антибуржуазного критического реализма.

Несмотря на то, что И. Ковалева почти не касается произведений Франса предшествующего и последующего периодов, ее монография чрезвычайно полезна для уяснения его творческого развития в целом. Характеризуя период, ознаменованный коренными сдвигами в мировоззрении и творчестве большого писателя, И. Ковалева обращает внимание и на то, что сближало книги Франса переломного периода с его ранними произведениями 70—80-х годов, и на такие их черты, которые дают возможность видеть в них подступ к вершине франсовского критического реализма — «Современной истории».

Говоря о достоинствах труда И. Ковалевой, необходимо отметить, что автору удалось избежать порока, к сожалению довольно часто встречающегося в советских работах, посвященных выдающимся зарубежным писателям, — стремления «выпрямить» писателя, акцентируя внимание лишь на его сильных сторонах и замалчивая его ошибки и недостатки (в частности, этим в сильной степени грешит упоминавшаяся выше работа С. Лиходзиевского). Опираясь на неопровержимые фактические данные, И. Ковалева откровенно пишет о реакционных политических заблуждениях раннего Франса, о его враждебном отношении к Парижской коммуне, о его идеализме, иногда перерастающем в агностицизм и связанном с этим представлении об искусстве как о субъективно-эстетской игре, лишенной социального смысла. Говоря о дальнейшей эволюции Франса, И. Ковалева показывает, что преодоление писателем его заблуждений идеалистического толка было процессом длительным и трудным. Ее книга дает объективную и наглядную картину того, как сложен был творческий путь Франса и весь его внутренний облик, и как, в то же время, он неуклонно, от произведения к произведению, шел к искусству высокой правды и демократической направленности. Рассматривая Франса в его сложных и меняющихся отношениях как к буржуазным философам его времени — О. Конту, Спенсеру, Тэну, Ренану, так и к современным ему литературным школам — натурализму, символизму и т. д., — И. Ковалева интересно и тонко показывает, как иногда реакционные в своей сущности философские или литературные направления, в процессе ухода Франса из-под их влияния, некоторое время продолжали оставаться для него формой, в которую он вкладывал новое, более прогрессивное содержание. Так, например, ренановский всеотрицающий скепсис перерастал в его восприятии в форму активного отрицания «священных» основ буржуазного мира, ренановский принцип терпимости и снисхождения к человеку — в принцип действенной защиты социально униженных.

Одна из наиболее интересных глав монографии — заключительная VI глава, посвященная роману «Красная лилия». Полемизируя с исследователями, рассматривавшими это произведение как обычный вариант салонного любовно-психологического романа, который был одной из распространенных разновидностей французской буржуазной беллетристики конца века, И. Ковалева убедительно показывает, как Франс использовал эту традиционную форму для того, чтобы создать социальный роман большой разоблачительной силы. И светское буржуазное общество, и зараженный декадансом мир интеллигенции, посвятившей себя искусству, и высшие политические и военные сферы Третьей республики становятся в этом произведении предметом рез-

кого критического разоблачения. Та параллель, вернее, то противопоставление, которое проводится в этой главе между «Красной лилией» Франса и любовно-психологическим романом Поля Бурже, подтверждает выводы автора с большой наглядностью. Это убеждает читателя в том, что «Красная лилия» была важным этапом в творческом развитии Франса и вплотную подвела его к блестящим типическим обобщениям «Современной истории».

И. Ковалева посвящает ряд страниц своей книги специальному анализу художественного стиля романов и новелл Франса. Однако, к сожалению, почти все, что относится к области художественного анализа, принадлежит к наиболее слабым сторонам этой книги. На словах автор неоднократно подчеркивает, что художественная форма того или иного произведения находится в органической связи с его идейными задачами, обусловлена ими. Но когда дело доходит до конкретного разбора, ей не всегда удается это показать. При характеристике отдельных произведений И. Ковалева, соблюдая традиционные законы художественного анализа, добросовестно останавливается на портрете, интерьере, пейзаже, но не замечает того, что она зачастую приходит при этом к выводам столь общего характера, что они применимы к любому реалистическому произведению и ни в какой мере не объясняют читателю своеобразие стиля Анатоля Франса. Так, например, при анализе романа «Красная лилия» говорится, что «большое внимание Франс уделяет внешнему портрету, который помогает ему раскрыть внутренний мир героя. Наружность персонажа почти всегда соответствует его внутренней сущности» (стр. 257). «В своих портретах Франс иногда пользуется приемом контраста... Портрет часто предшествует психологической характеристике, которая развивается затем в направлении, подсказанном наружностью. Как правило, краткие сведения о наружности сообщаются сразу же, при первом появлении персонажа в романе...» (стр. 259). «В таком же плане рисует Франс и жилища — виллы, гостиные, кабинеты. Так же, как и портрет, вещи, окружающие героя, помогают читателю глубже понять внутреннюю сущность образа» (стр. 260). Все сказанное здесь применимо почти ко всем писателям-реалистам различных национальностей, которые жили в ту же эпоху. Точно так же, анализируя художественные приемы сатиры Франса в книгах об аббате Куаньяре, И. Ковалева перечисляет только те общие черты, которые свойственны вообще сатирическому жанру (заострение образа, гипербола, гротеск, тяготение к иносказаниям и т. д.) и тоже не определяют своеобразие Франса-сатирика. Единственное, что можно признать удачным в попытках автора монографии охарактеризовать художественную форму отдельных произведений, это те литературные параллели, к которым он иногда прибегает и которые дают гораздо больше для понимания специфики писателя, чем общие слова о значении портретов, пейзажей и интерьеров. Чрезвычайно интересна, например, параллель, проводимая между романом «Харчевня королевы Гусиные Лапки» и сатирической повестью XVIII века, — в первую очередь, вольтеровским «Кандидом», а также параллель с «Декамероном» Боккаччо при анализе новелл из сборника «Колодец святой Клары». Но, разумеется, эти удачные частные параллели никак не могут заменить всестороннего и глубокого анализа Франса как большого и очень своеобразного мастера французской художественной прозы.

Спорными представляются отдельные положения монографии. Говоря об обращении Франса к стилизации христианских легенд, И. Ковалева, видя в этом лишь «поэтизацию раннего христианства или кротких, смиренных святых средневековья» (стр. 95), не показывает связи этих произведений с фольклорной традицией, во многом

определяющей поэтичность и обаяние этих новелл. Критикуя ранние произведения Франса за субъективизм и оторванность от реальной действительности, И. Ковалева упрекает писателя в том, что «иногда внешние события служат Франсу лишь поводом для философских и психологических размышлений» (стр. 52). Между тем сама по себе эта черта никак не может быть отрицательной: все зависит только от содержания и идейной направленности философской концепции писателя. При анализе языка и стиля «Харчевни королевы Гусиные Лапки» Франсу ставится в упрек то, что он часто отходит от реалистического воспроизведения живой и индивидуализированной речи персонажей. Несомненно, что подобные спорные оценки органически связаны с недостаточным проникновением автора монографии в художественную лабораторию Франса, как глубоко интеллектуального и иронического художника, блестящего стилизатора и пародиста. На стр. 67—70 И. Ковалева, иллюстрируя идейное развитие Франса, говорит об эволюции его отношения к Эмилю Золя. Однако она не учитывает того, что и сам Золя создавал в эти годы далеко не равноценные произведения. Отрицательное отношение Франса к романам «Земля» и «Мечта» и положительное к романам «Жерминаль», «Деньги», «Разгром» зависело не столько от идейных колебаний Франса, сколько от противоречивости самого Золя. Можно было бы поспорить еще с некоторыми частными положениями монографии. Но не это определяет значение книги. Несомненно, что советский читатель получил ценное литературоведческое исследование, которое поможет ему глубже разобраться в творческой эволюции давно любимшегося ему французского реалиста-сатирика.

М. ЯХОНТОВА

ОТ МОРИСА СЕВА ДО АГРИППЫ ДОБИНЬЕ*

(Новая книга о французской поэзии XVI века)

Литература французского Возрождения давно уже стала привлекать внимание ученых, особенно поэзия этого времени. После работ Сент-Бева поток монографий и исследований увеличивался с каждым годом. Большинство литературных течений во Франции XVI века и их отдельные представители изучены теперь достаточно детально. Мы уже знаем очень многое о жизни и творчестве не только таких великих писателей французского Возрождения, как Рабле, Маро, Десперье, Ронсар, Дю Белле, Агриппа д'Обинье, но и ряда менее значительных поэтов и прозаиков. Детально изучены биографии, изданы хорошо прокомментированные тексты... И все-таки можно сказать традиционную фразу: французская литература эпохи Возрождения ждет еще своих исследователей. Исследователей, которые бы осмыслили, привели в систему (а не только установили рамки хронологии) весь тот огромный фактический материал, который был накоплен более чем за полтора века внимательного изучения французского Ренессанса.

Поэтому вышедшая в Париже книга Анри Вебера — его двухтомная монография «Поэтическое творчество в XVI веке во Франции» — не тонет в огромном потоке работ и исследований. Книгу А. Вебера отличает прежде всего новизна методологии. В своем труде Вебер использовал, конечно, достижения современной буржуазной науки

* Henri Weber, La Création poétique au XVI siècle en France. Paris, Nizet, 1956, 2 vols, 774 p.